

«КОНЧАЛАСЬ ЖИЗНЬ, БЕССМЕРТЬЕ НАЧИНАЛОСЬ...»

*Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию стихами.
Георгий Ива́нов*

В Париже, на кладбище Пер-Лашез, одном из самых известных захоронений в мире, нашли свой последний приют многие русские... Колумбарий. Ячейка № 14201. В ней покоится урна с прахом Померанцева Кирилла Дмитриевича — одного из поэтов русского зарубежья, чьё творчество для современных российских читателей явилось открытием и неожиданностью. В 2021 году исполнилось 30 лет со дня его ухода в вечность. В антологиях русской и советской поэзии он не упоминается. В СССР стихи К. Померанцева не печатались. Исключением являются публикации в перестроечный период — «Октябрь» (№ 8, 1989) и «Знамя» (№ 1, 1991).

Померанцев Кирилл Дмитриевич — поэт, журналист, мемуарист, литературный критик. Родился в Москве в 1906 году. Детство провёл в Полтаве. В 1919 году семья эвакуировалась в Новороссийск, а затем в Константинополь. С 1927 года жил в Париже, с началом второй мировой войны — в Лионе, участвовал в Сопротивлении. С 1947 года — сотрудник газеты «Русская мысль», с 1958 года — заместитель редактора. Выступал в периодических изданиях эмиграции как поэт, автор очерков, интервью, эссе о деятелях русской эмиграции. В 1965 году выпустил книгу путевых очерков «Итальянские негативы», автор мемуаров «Сквозь смерть» (Лондон, 1986), издал сборник «Стихи разных лет» (Париж, 1986). Скончался в Париже 5 марта 1991 года. Таковы краткие сведения из Википедии.

Вот что писал о Померанцеве исследователь истории русской эмиграции А. Радашкевич: «Его предельно простая по форме, почти разговорная по интонации поэзия, глубоко философична, исполнена неизменного стремления к высшему знанию, к прорыву в область вневременных ценностных ориентиров, слабые отблески которых поэт чутко улавливал в явлениях повседневного ряда, в блоковской Радости — Страданье каждого невозвратимого Божьего дня». Статьи, критические отзывы, эссе и проза публиковались во всей эмигрантской периодике, а стихи Кирилла Померанцева входят в наиболее представительные антологии эмигрантской поэзии. Хотя сам Померанцев поэтом себя не считал, а считал журналистом. О себе он говорил: «Я простой журналист, которому посчастливилось познакомиться со всеми русскими писателями и поэтами, жившими в Париже.» Будучи требовательным к своему творчеству и самокритичным, поэт так оценивал свою поэзию:

*Да, иногда стихи мне удавались,
но, к сожалению, только иногда:
из-под пера ватагой вырывались
слова и рифмы, звёзды и года...*

Практически всё, что известно в России о К. Померанцеве, это заслуга его друга Александра Радашкевича, который много лет работал с ним в парижском еженедельнике «Русская мысль». Все материалы опубликованы на сайте «Остров Александра Радашкевича». Но самое главное, что им была составлена и подготовлена к печати книга «Кирилл Померанцев. Оправдание поражения». В ней — литературное наследие К. Д. Померанцева. Книга вышла в 2018 году в Санкт-Петербурге. Она впервые знакомит российского читателя с полной версией стихов, мемуарных эссе, путевых набросков, избранных статей и рецензий Кирилла Дмитриевича. Безусловный интерес представляют мемуарные эссе о таких ярких представителях русской эмиграции, как В. Ильин, Г. Иванов, Ф. Шалапин, М. Шагал, Г. Адамович...; о встречах с дочкой Ф. Шалапина, с А. Твардовским, с А. Сурковым; воспоминания жены М. Булгакова о последних днях писателя. Следует отметить статьи и рецензии, посвящённые сущности поэзии и судьбам поэтов. Померанцев выступает в данном случае и как поэт, и как литературный критик.

И, конечно, самая пронзительная и трагическая часть книги — это «Оправдание поражения». Эпиграфом к ней можно взять слова А. Блока: «Поэт — величина неизменная». 1918 год, мир рушится, но никакие ситуации не должны отменить вечного назначения культуры и назначения поэзии. «Поэт — обречённый Избранник, который обязан жить для того, чтобы ценою своей жизни утвердить своё творчество» (К. Померанцев). Но творческая удача почти всегда — результат неудачи человеческой. А если учесть, что «Мысль изречённая есть ложь» (Ф. Тютчев), тогда и поэзия может превратиться в неудачу. Высокая поэзия есть результат внутренней борьбы мастера с самим собой. Через страдания рождаются шедевры. Как писал Георгий Иванов:

*Что ж, поэтом долго ли родиться...
Вот сумей поэтом умереть.
Собственным позором насладиться,
в собственной бессмыслице сгореть!*

Любое время не для славы поэта. Блок, Гумилев, Иванов, Ахматова, Есенин, Маяковский, Цветаева, Мандельштам, Бунин, Пастернак, Бродский... Для каждого из них, это был единственно возможный путь.

*За бессмыслицу, за неудачи.
За потерю всего дорогого.
И за то, что могло быть иначе,
и за то — что не надо другого.
Георгий Иванов.*

* * *

Учителем поэтического мастерства Кирилл Дмитриевич считал поэта Георгия Иванова (1894–1958), «чья поэзия стала горестной вершиной всей эмигрантской лирики» (А. Радашкевич). Иванов и при жизни, и после смерти оставался для Померанцева образцом литературного таланта. Личность противоречивая и сложная. Но

что касается поэзии, здесь мнение однозначное — талант, мастерство и уникальность. Многие считают, что он дошёл до совершенства форму и музыку стиха. Всё это сочеталось с его высокой требовательностью к творчеству и поэтической честностью. Проникновенность поэзии Ив́анова, отражающей всю трагедию России, его раздумья и покаяние, навсегда остались в памяти К. Померанцева. Последняя дань учителю от Кирилла Померанцева — стихотворение «На смерть Георгия Ив́анова»:

*Он повторял в бреду, в полусознание
бессвязные, бессильные слова.
«Империя... бессмыслица... изгнание...»
Сквозь щели ставен падал южный свет,
тяжёлое дыханье учащалось:
уже не слышался предсмертный бред —
кончалась жизнь, бессмертье начиналось.*

* * *

Стихи Померанцева отличаются лаконичностью и точностью. В них происходит аккумуляция большого содержания в минимальном словарном исполнении. И в то же время они искренние, образные и завораживающие. Когда я познакомился с биографией, с творчеством Померанцева, то понял, что стихи — это лишь верхняя часть айсберга. Для того, чтобы понять всю глубину поэта, нужно принять его «целиком», в комплексе, проанализировав всё его литературное наследие. Тогда стихи приобретают иное — философское, космическое осмысление. Они есть отражение его мировоззрения. Отсюда отточённость поэзии Померанцева. К совершенству нечего добавить, всё будет лишним. Кирилл Померанцев пришёл в поэзию уже сформировавшейся личностью — со своими взглядами, со своим мировоззрением, с богатым журналистским опытом. По мере обретения литературного мастерства его философские взгляды принимали форму русской поэтической классики. И это вполне естественно. Все знаковые его стихи были написаны, в основном, во второй половине жизни, когда приходит время подведения итогов:

*Чтоб знать: в моих стихах безвестных
Я, странствуя среди живых,
творил ли ангелов небесных
иль «демонов глухонемых»?*

В центре поэзии К. Померанцева Природа, Бог и Человек, проблемы Бытия и Человека, сущности Человека, Жизни и Смерти, Души и тела. Именно это и поразило меня, когда я впервые познакомился с его стихами. Я, как представитель естественно-научной культуры, имея свою мировоззренческую платформу, сразу ощутил «близость» взглядов Кирилла Дмитриевича и вошёл в резонансное состояние с его поэзией:

*«Я сослан в самого себя»,
Я заключён в своё сознание,
Я — вся огромность Мирозданья
в песчинке собственного «Я».*

* * *

*«О Ты, пространством бесконечный,»
благослови на Крестный путь,*

*чтоб этот мир бесчеловечный
очеловечить как-нибудь.*

* * *

*Ответа нет ни на один вопрос.
Зачем родился и зачем я рос?
Зачем не умер и зачем умру?
И кто затеял скучную игру?*

В русской поэзии обращение к философским проблемам обострилось, вероятно, после трагических событий, связанных с декабристами, хотя стремление осмыслить стихийные силы Бытия, которые породили дисгармонию Божественного мира, было всегда. Порой трудно совместить усилия ума и горячие неподдельные чувства, рациональное и иррациональное. Тем не менее, в стихах зазвучали философские темы, связанные с единством Бытия, с единством Природы и Человека, темы гармонии Природы и дисгармонии Общества. Как писал Фёдор Тютчев:

*Невозмутимый строй во всём,
созвучье полное в природе, —
лишь в нашей призрачной свободе
разлад мы с нею сознаём.*

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
душа не то поёт, что море,
и ропщет мыслящий тростник?*

С учётом мировоззренческой самобытности, философской позиции и журналистской деятельности, в личности Померанцева также преобладало рациональное начало. Об этом он и сам говорил:

*Любая чушь, любое приключенье
под старость представляются сложней.
Всё хочется добраться до корней,
найти всему своё предназначенье.*

Цель данной публикации отнюдь не анализ творчества К. Померанцева. Меня заинтересовали истоки его поэзии, истоки его философии. При этом я не могу обойтись без обсуждения его творчества, как читатель и как поклонник. Да простят мне читатели излишний пафос, но мне захотелось расширить аудиторию этого поэта, пробудить интерес к нему, исходя из понятий гражданского и человеческого долга. Я абсолютно уверен — мимо поэзии Кирилла Померанцева нельзя пройти равнодушно!

* * *

Прежде чем перейти к поэзии, я хотел бы познакомить читателей с некоторыми философскими и мировоззренческими взглядами Кирилла Дмитриевича без комментариев. Они во многом характеризуют творчество поэта.

К. Померанцев: «Тогда, в Сиене, я позабыл, что на Тайной Вечери, идя на Смерть, Христос сказал ученикам: „Я к Отцу иду“. Смерть и Отец — одно. Я позабыл, что,

идя путём Сына, через Смерть, приходишь к Отцу. Лишь через страдание и Смерть становится бессмертным человек... Смерть... Эта вколотенная в землю человеческая обречённость... Соборы, монастыри... без чего не прожил бы ни один человек... Нигде я не почувствовал это людское отчаяние, с такой предельной обнажённостью, как в Сиене... Нет ничего святее человеческого отчаяния...

Смерть ведь не есть только исчезновение, но и появление: появление человека в его завершённом облике. Смерть есть дополнительный элемент познания, тот, которого нам не хватало при жизни человека. В настоящем своём облике человек предстаёт перед нами только после смерти.»

Читаем далее: «Творчество — это значит преодолённое одиночество. Творить — это находить свет в непрерывной ночи одиночества. А не преодолеть, не найти света — значит, уйти в небытие. В эмиграции к одиночеству творчества прибавляется ещё одиночество изгнания, так что получается двойное одиночество, двойная стена, окружающая поэта-эмигранта, отделяющая его от внешнего мира: одиночество творца и одиночество изгнанника. Таковы исторические условия, в которые поставлен поэт-эмигрант».

* * *

Анализируя жизненный путь К. Померанцева, его творчество и литературное наследие, убеждаешься, что журналистская деятельность, встречи с интересными представителями русской интеллигенции в эмиграции, трагичные судьбы эмигрантов, осмысление реальности, а также философские и религиозные взгляды В. Ильина, Г. Марселя, М. Хайдеггера, Р. Штейнера оказали огромное влияние на формирование личности поэта, его мировоззрение и творчество.

По Г. Марселю (1889–1973), в свете истинной любви человека к человеку, человека к Богу, Бога к человеку, смерть бессильна. Моё «Я» оказывается всецело захваченным другим, независимо от того, жив он или мёртв. Он пребывает во мне глубже, нежели я сам. Это и открывает пространство бессмертия, что позволило Марселю сказать, что «настоящее присутствие человека начинается лишь после его смерти». Кирилл Померанцев писал: «Есть таинственная, почти физическая связь между смертью и любовью в её высшем проявлении. И та, и другая поднимают человека до Человека».

Мартин Хайдеггер (1889–1976) считал, что главная задача философии — ответить на вечные вопросы о смысле человеческого существования, о бытии человека. Главной темой исследований Хайдеггера стал человеческий язык, который проявляет себя в первую очередь через поэзию. Язык есть проявление самого бытия. И человек проявляется только в свете бытия, в целостность которого входит и смерть. А поскольку вся онтология бытия построена на его вечности и абсолютности, то в этом понимании человека можно причислить к бессмертным. С позиций мышления, сознания, разума Человек — это высшая форма бытия, его квинтэссенция.

Именно эти философские и религиозные концепции во многом повлияли на поэзию Кирилла Померанцева, на его стремление к пониманию сущности и назначения человека. Особенность К. Д. Померанцева состоит в том, что он попытался с помощью поэзии связать бытие «маленького человека» с большой философией и, придав ему статус Человека, определил его достойное место в гармоничном Богом созданном Мире, в вечном Бытии. Он попытался «скрыть от человека самого человека» (М. Хайдеггер), отвлечь его от тревоги, от ужаса перед смертью, этой единственной подлинной реальности бытия, ожидающей каждого из нас. Мы — со-творцы Бога, мы — часть вечногo Бытия, мы бессмертны.

*И вот разлетелись, как дым,
все чаянья, все ожиданья.*

*Но мы ни о чём не грустим, —
мы боги, мы тихо летим
в морозную ночь мироздания.*

Вечное Бытие... и бессмертный Человек... Этот синтез меняет психологию «маленького человека». Из категорий: смерть, ад, раб, страх, наказание... он перемещается в иной мир, мир вечности и бессмертия. Как писал В. Жуковский: «При мысли великой, что я человек, / всегда возвышаюсь душою». Жизнь — это Дар Божий, это подарок для осмысления радости Бытия. Только жить и творить надо по гармоничным законам Бытия, по Божьим законам.

*Есть тайна страшная в Творенье.
Её не разгадать вовек
ни логикой, ни умозреньем,
и эта тайна — ЧЕЛОВЕК.*

* * *

*Взошла Луна. В сиянии ночном
безмолвна необъятность океана,
как будто благодатная нирвана
сошла на мир с его ненужным злом,
как будто мир блаженно почивает,
не ведая, что сам в себе таит.
Так человек: он — то, что он скрывает,
о чём он никогда не говорит.*

Подводя итоги каждого прожитого нами благодатного божьего дня, осмысливая его, полезно вспомнить несколько «истин» Кирилла Дмитриевича:

*Ведь туда уносим мы с собою
только то, что здесь мы раздаём.*

.....

*Не то ужасно, что там встретишь,
но то, что принесёшь с собой.*

.....

*Что лишь тот удостоится рая,
кто в себе этот рай заключал.*

* * *

Стихи Кирилла Померанцева выглядят тонко выполненными этюдами сущности Бытия, сущности и феномена человека, его предназначения, его духовности. Они «тихие» по звучанию, но «громкие» для души. Они не требуют оваций и аплодисментов. В настоящем большом искусстве после явных шедевров «зал обычно молчит». Они воспринимаются вначале душой и сердцем, а потом только анализируются умом. От чувственного к разумному, от личного к общественному. В результате поэтический образ «опирается» на бинарную конструкцию, что характерно для поэзии Блока, Цветаевой, Мандельштама и Пастернака. Даже любовная лирика Померанцева простая

и негромкая, светлая и умиротворённая, но в то же время щемящая, с непонятной грустью и ностальгией:

*Ложится вечер в нежности неясной,
двоится память в сумерках времён.
И Божий мир, по-новому прекрасный,
как будто заново был сотворён.*

*И нет уже ни радости, ни горя,
прозрачный опускается покой
на Землю, на утихнувшее море,
на память о тебе, на облик твой.*

Здесь нет слов о любви, но всё пронизано большим чувством. Вся поэзия К. Померанцева лирическая. Но это не «вздохи на скамейке», а философские и гражданские раздумья, философская лирика. В лирическом произведении «слово» отличается уплотнённой, значимостью каждого элемента, оттенком ударения, паузами. Отсюда и лаконичность:

*В вечерний предзакатный час,
когда и сердце бьётся глуше,
мне страшно вглядываться в вас,
о, человеческие души.*

*Мне кажется, что вся Земля,
со всей набухшею в ней кровью,
со всей тоской, со всею болью,
застенком стиснула меня.*

В этих стихах нет ни одного лишнего элемента, знака или звука. Это обращение поэта от имени Бога. Поэт отозвался на его Зов своим сердцем, своей душой. Для лирики К. Померанцева характерен минорный эмоциональный тон — ощущение неясной тревоги:

*От снега поднимается сиянье,
как будто звёзды на снегу горят,
как будто розы, затаив дыханье,
чуть слышно меж собою говорят.*

* * *

*Тихо всё. Среди снегов застывших,
слышишь, точно листья шелестят:
это души никогда не живших
с душами умерших говорят.*

Мимо этих образных и минорных строк нельзя пройти равнодушно, они «задевают» тонкие струны нашей души. Поэты видят и слышат иногда то, чего нет в действительности. Природа для них обретает дар человеческой общительности. Из-за яркой образности стихи Померанцева приобщают нас не только к миру звуков, но и к миру

зрительных ощущений. Взять хотя бы его следующие строки: «Пишет осень поэму прощальную...», «Но жизнь кипит — крылами бьёт беда...».

* * *

После прочтения многих стихов К. Померанцева как быходишь в состояние медитации, гармонии со Вселенной, очищения. Его стихи искренние, в них чувствуется вся боль поэта за человека, за человечество, за мир. Как писал сам Померанцев: «А болит у меня весь мир. Я болен всем миром, и весь мир болен мной.» Он продолжил традиции русской поэзии, основной чертой которой было осознание единства: Я и Мир, Мир во Мне и Я в Мире.

*Как унижительно убоги
все наши склоки и дела,
и смехотворны эти тоги
вершителей добра и зла.*

*Но перед царственным закатом
смиренно голову склоним:
нет правых. Все мы виноваты,
все миром мазаны одним.*

Вопросы, которые ставит поэт в своих стихах, и в которых отражает свою позицию, касаются всех. Это вечные вопросы Человечества, Человека и места его во Вселенной. Тема космизма близка и присуща почти всем представителям русской поэзии. «Космическое чувство» помогало поэтам созерцать Мир и осознавать себя не только в окружающем мире, но и в мире Космоса. Недаром поэзию они считали «боговдохновенным» делом. В рамках философии единого Бытия тема космизма характерна и для поэзии К. Померанцева. Хорошо написал К. Бальмонт:

*Кто услышал тайный ропот Вечности,
для того беззвучен мир земной, —
чья душа коснулась бесконечности,
тот навек проникся тишиной...*

В рамках философии единого Бытия тема космизма характерна и для поэзии К. Померанцева. Он из тех, кто услышал «тайный ропот Вечности», и вся его поэзия пронизана этой тишиной:

*Когда-нибудь, о, я уверен в этом,
проснувшись ночью, вдруг увижу я,
что за окном едва заметным светом
как будто занимается Земля.*

*Как будто всё — и ночь, и город спящий —
преобразил неведомый рассвет.
И это будет не от звёзд сходящий,
но к звёздам поднимающийся свет.*

Учение космизма, а тем более русского космизма, которое покоится на единстве всего сущего в этом мире, не может обойтись без божественной идеи:

*Славословлю тебя, Иоанн,
Иоанн изначального Слова!
Прославляю тебя, Иордан,
в одеянии неба ночного.*

*Лик Отца над тобой наклонён,
хор созвездий тебя осеняет,
и об ангельских снах вспоминает
убегающий сумрак времён.*

* * *

*О, Господи, не осуди,
к их изголовью низойди
и светлой благодатью Твою
их огради и просвети.*

«Найти себя» в этом огромном мире и не потеряться «маленькому человеку» в бесконечной Вселенной помогает именно такая поэзия.

* * *

Проблемы феномена человека, его сущности и его двуликости являются одними из центральных в поэзии К. Померанцева. Человек — кто ты?! Зачем ты пришёл в этот мир? Каково твоё прошлое и будущее? Какова причина твоей двуликости? Ведь человек — фигура неоднозначная во внутренних борениях. В пределах одного сознания совмещаются и возвышенное, и низменное. Ты в одном лице Бог и Дьявол, Добро и Зло, Создатель и Разрушитель...

Боль и непонимание, откуда в человеке, у человечества, в мире столько зла, злобы, ненависти и насилия, привели поэта в стан сторонников антропософского учения о цепочке земных перевоплощений на пути человека к высшему духовному совершенству. Эта доктрина Р. Штейнера поддерживала К. Померанцева, разочарованного в горькой доле эмигранта. Не мог он обосновать существование Зла в созданном Богом мире:

*Бог увидал: «всё хорошо зело»,
и в день седьмой почил от дней творенья.
Но человек, его предназначенье —
пройти сквозь мрак, отчаянье и зло.*

* * *

*О, страшный мир!
Не тот, что с содроганьем
готовится к неслыханной войне,
а тот, иной, что в мёртвой тишине,
как черви, точит тёмное сознание.*

«Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» — сказано в Библии. Человек является венцом творения. Образ — это данность, потенциал, который имеет каждый из нас: разум, речь, творчество и... свобода воли.

В любом человеке надо любить образ Божий. Приход Иисуса в мир человеческий для его исцеления, говорит о том, что для Бога человек — самое ценное. Благодаря влиянию В. Ильина (1891–1974), православного философа и богослова, Кирилл Дмитриевич хорошо представлял доктрину христианства и путь Иисуса от Сына Человеческого через Голгофу к Сыну Отца Небесного. Признак Мессии — «благоествование Царства Божия». Его добродетели: смирения, всепрощения, милосердия, самоотречения, строгости по отношению к самому себе. «Царство Божие среди вас есть» — говорил Иисус. Речь шла о «нравственном перевороте» человечества с целью его спасения.

*Проникни в тайну, скрытую от века,
склонись к истокам первозданных рек.
Бог человеком был для человека,
чтоб Богом стал для Бога Человек!*

В Библии причиной «двуликости» человека и всего негативного в нём является первородный грех. «Нет ничего известнее, говорит Августин, учения Церкви о первородном грехе, но в то же время нет ничего таинственнее и недоступнее этого учения для обыкновенного человеческого понимания». Это была первая заповедь в Раю. В первом законе Божиим фактически содержатся все его заповеди. За человеком всегда остаётся возможность выбора нравственной направленности поступка — идти к Богу или от Него, быть праведным или грешным:

*Совсем не страх уничтоженья,
не ужас перед пустотой
встают в моём воображенье
неодолимою чертой.*

*Но как прожить существованьем,
из ночи тянущимся в ночь,
и эту ночь не превозмочь
ни верой, ни умом, ни знаньем?*

Наша природа приемлема как для добра, так и для зла. Каждый человек, в соответствии со свободой, данной ему Богом, сам выбирает свой путь. Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то ему и воздастся. «Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих, ибо Он создал всё для бытия».

Жить надо в гармонии с душой. Душа — это зеркало от Бога. Крест должен быть не только нательный, но и в душе. «Всмотришься» в неё, «послушай» её, «прочти» её. И ты поймёшь — по каким законам живёшь. Что ставить в конце «нашего предложения» — точку или запятую, зависит только от нас. В связи с этим, не могу не процитировать эпитафию, составленную князем Г. П. Гагариным для своего надгробного памятника, взятую из статьи А. Радашкевича о К. Померанцеве:

*Прохожий, ты идёшь, поляжешь так, как я,
постой и отдохни на камне у меня;
взгляни, что сделалось со тварью горделивой.
Где делся человек? И прах зарос крапивой!
Сорви ж былиночку и вспомни обо мне!
Я дома, ты в гостях — подумай о себе!*

Проблема одиночества. При всей своей социальной сущности человек одинок, тем более, когда речь идёт об изгнаннике. Эта тема незримо присутствует во всей поэзии К. Померанцева. Пронзительное чувство Родины, вызванное детскими воспоминаниями, картинами русской патриархальности, мысленно приводило Померанцева в соприкосновение с ушедшей Россией. Его одиночество «требовало» духовного воссоединения с родным Отечеством. «Тогда смиряется души моей тревога, / тогда расходятся морщины на челе...» (М. Лермонтов). Чашу духовного одиночества Кирилл Дмитриевич испил до дна:

*О святая, немая бездонность
пустоты эмигрантского дня ...
Я в тебе, ты — моя обречённость,
ты во мне — обречённость твоя.*

Через поэзию К. Померанцева я ощущаю даже одиночество Земли во Вселенной. Два одиноких создания — Человек в «бесконечном» социуме и Земля в «бесконечной» Вселенной. Как здесь можно прожить без идеи Всевышнего и без веры в Бога?

* * *

Государство, Родина, поэт. Сакральный треугольник для любой творческой личности, начиная с Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Есенина, Ахматовой, Цветаевой, Шмелёва, Мандельштама, Бродского...

Из самого определения государства следует, что оно, само по себе, не является ни абсолютным благом, ни абсолютным злом. Всё зависит от уровня развития человеческого сообщества. Любое государство есть «кнут» и «пряник».

Иное дело — Родина. Только Родина и Бог примут нас любых — праведных и грешных, бедных и богатых, умных и глупых, «с пачпортом и без оного». «И чтоб со мною в жизни ни случилось, / на родине всегда я ко двору» (Н. Алешков). Русскому человеку изначально присуще особое чувство Родины и тоска по Родине. Такое ощущение, что с момента рождения русский генетически пуловиной прирастает к ней. Об этой «пуповинной связи» говорит и сам К. Померанцев, обращаясь, «в сердцах», к России:

*Люблю ль тебя «странной любовью»?
Да я не люблю никакой.
Но связан я плотью и кровью
с тобой и с твоею судьбой.
Россия ... Стихи о России ...*

А сколько синонимов у слова Родина: Родина — мать, Русь, Древняя Русь, Святая Русь, Русская Земля, Россия, Отечество, Отчизна. Все они придают Русской Земле величие, могущество, духовность и многоликость. В решающие минуты русские о себе не думают. Они умирают за Веру и Отечество. Это загадка русской Души. Где бы не жил русский человек, связь с Родиной не прерывается. А что такое Родина? Это — Ничего и это — Всё. Это Всё, самое ценное, ибо только за самое ценное человек может отдать единственное — жизнь.

*Люблю твою, Россия, старину,
твои леса, погосты и молитвы,
люблю твои избушки и цветы,*

*и небеса, горящие от зноя,
и шёпот ив у омутной воды,
люблю навек, до вечного покоя ...*

Николай Рубцов

Только человек может близко принимать такие, на первый взгляд, мельчайшие элементы вечного Бытия. В этих «слабостях» — сила Человека, а может быть и его трагедия. Биологическая память живого существа помогает ему выжить. Чувство Родины помогает русскому человеку оставаться Человеком до последних минут и в любых ситуациях.

Кирилл Померанцев, как журналист и как литератор, был хорошо знаком с ситуацией в Советском Союзе, с происходящими событиями в нашей стране. Беседы и откровенные разговоры с соотечественниками только убеждали его в том, что при всей его любви и ностальгии по Родине, не мог он согласиться с тем, что происходит в великом государстве, в бывшей патриархальной России. Душа его колебалась, а разум говорил словами Глеба Горбовского: «Россия? — Да. Но — не любая. / А та, Святая, без оков!»

Болью и разочарованием о многострадальной исторической судьбе России, о безвыходности ситуации проникнуты многие стихи Кирилла Дмитриевича:

*Тобой замученные дети,
детьми замученная ты ...
О, что безжалостней на свете
твоей безжалостной судьбы?
Моя страна ... О, буди! буди!
Да низойдёт дамасский свет!
О, Родина, молю о чуде.
Но чуда нет, но чуда нет.*

* * *

*Но что сделать, куда убежать?
Там ведь тоже не легче дышать,
только больше приходится гнуться.
Но зачем же тогда и к чему
мы построили эту тюрьму,
чтобы в ней от стыда задохнуться?*

В тяжёлые критические моменты прорываются в его стихах слова отчаяния и сожаления о бессмысленных жертвах и напрасно прожитых годах:

*И, положи на сердце руку,
ну что мы принесли в ответ
на эту боль, на эту муку,
на сорок окаянных лет*

*разбушевавшейся стихии,
поднявшейся сплошной волной*

*над нищей блоковской Россией,
над нашей будущей страной?*

* * *

*Как будто пробили куранты
отбой надеждам и мечтам,
и я, как тень, плетусь за Дантом
по девяти его «кругам».*

Но вера в будущее, в грядущее воскресение России не покидала Кирилла Дмитриевича до последних дней:

*Не в атомную катастрофу,
не в благоденствие людей —
я верю только лишь в Голгофу
бессмертной Родины моей.*

* * *

*Так, сквозь чистое небо Помпеи,
в синеве итальянского дня,
в этой каменной, мёртвой аллее,
среди веков схоронённых бродя,
я увидел сквозь все катастрофы
этих страшных, безжалостных лет,
как над морем от русской Голгофы
поднимается медленный свет.*

* * *

*Какая судьба! И опять я
с Тобою, к Тебе, о Тебе.
Россия, стихи о России —
как встарь, «бубенцами звеня...»
Россия, стихия, мессия,
мессия грядущего дня.*

По воспоминаниям современников К. Померанцева, он не боялся смерти, исходя из своих философских и религиозных убеждений. Но его тяготил тот факт, что «упокоится навечно в неродной земле». Важно не только, где ты родился, но и где ты обретёшь вечный покой. «В родную землю — и лечь не страшно. / Страшней — утратить её навек» (Г. Горбовский).

Кирилл Померанцев — русский человек, русский поэт, поэт — философ. Своею жизнью, своим творчеством он пытался постичь высшие, вневременные, вземные ориентиры Человека и человечества. Светлая ему память!

